

Литературный Ленинград
14 фев 1935

СТАТЬИ О Д. СТОЕВСКОМ

Творчество Ф. М. Достоевского до сих пор изучено у нас еще очень мало. Дело вовсе не в том, что мы плохо знаем его биографию, что мы имеем мало материала для характеристики творческих процессов великого «тайновидца» души, как называли Достоевского буржуазные «философы» эпохи символизма. В этом плане — плане накопления материала — для изучения Достоевского сделано очень много, не меньше во всяком случае, чем для ряда других крупнейших писателей XIX века (Гончарова, Лескова, Щедрина — до начатого ныне ГИХЛом «академического» издания сочинений).

А. С. Долинин, редактор перенесенных Достоевского, специальных сборников посвященных Достоевскому, сделал для изучения его творчества больше, чем какой-либо другой исследователь русской литературы XIX века. И новое издание ИРЛИ — в серии «Литературный архив» — выйдет под его редакцией, явится несомненно ценным приобретением для всех, занимающихся изучением творчества Достоевского.

В солидном томе, превосходно изданном (по типу Г. Т. «Архива М. Горького»), мы имеем тексты черновых записей и «Братьев Карамазовым» — к последнему и самому значительному роману Достоевского, — главы одной из окончательных редакций «Бесов» (приготовлены к печати Б. В. Томашевским), письма к Достоевскому А. Н. Плещеева и письма к нему же брата М. М. Достоевского.

Весь материал, вошедший в сборник, обстоятельно прокомментирован редактором А. С. Долиным; главы из «Бесов» даны Б. В. Томашевским без комментариев. Мы не будем говорить о принципах комментирования, об омыслении А. С. Долиным «черновых записей», как этапов творческой работы Достоевского над романом; эта задача не может быть разрешена в пределах газетной статьи.

Остановимся на другом — на обширной вступительной статье редактора к «Братьям Карамазовым». Статья носит скромное заглавие: «К истории создания «Братьев Карамазовых». Но заглавие ни в какой мере не определяет содержания статьи, — оно неизмеримо шире.

Когда в начале статьи мы говорим, что Достоевский мало изучен, мы имели в виду омысление творчества его в историко-литературном плане, раскрытие его социальной обусловленности и направленности, определение его художественной ценности, его значения для наших дней. Вот эти задачи и хочется разрешить своей статьей А. С. Долинину.

«Форма и содержание» — заявляет А. С. Долинин. — нечто единое, целостное. Примем же, наконец, эту методологическую истину. Достоевский великий писатель. Он велик, как автор «Братьев Карамазовых», этого завершающего его творчество произведения, именно тем, что отразил в нем великую идею русской революции со всеми ее противоречиями в ту определенную историческую эпоху, когда «все в России повороти-

лось», а новый буржуазный строй еще только укладывался. Малая городская буржуазия не меньше, чем крестьянство, претерпевала тогда темпы, которые свойственны эпохам ломки. В борьбе классов она, наиболее передовая часть ее, участвовала, во всяком случае, активнее, чем крестьянство. Здесь-то и кроется причина, почему революция у Достоевского выражена гораздо ярче, с гораздо большей энергией, чем у Толстого. Но в то же время все же сказалась природа мелкой буржуазии, в основе своей колеблющаяся, трусливая, жаждущая пресмычки и так боящаяся их.

Эти формулировки дают, действительно, «несколько необычное» освещение не только творчеству Достоевского, но и русскому историческому процессу. Отмечаем изумительное открытие (правда, далеко не новое: у А. С. Долинна были предшественники) — о большей, в сравнении с крестьянством, революционности мелкой городской буржуазии, о большей «активности» ее в борьбе классов: это «открытие» возмущало А. С. Долинину поставить Достоевского выше Толстого, ибо у Достоевского революция «выражена гораздо ярче, с гораздо большей энергией».

Подобного рода суждения о Достоевском и революции мы уже слышали в свое время от В. Ф. Перерезова, у которого она имели определенный смысл меньшевистской недооценки роли крестьянства, меньшевистских клеветнических измышлений о буржуазном «непродуманном» характере Октябрьской революции.

Но А. С. Долинин — не В. Ф. Перерезов, он даже не ученик его. А. С. Долинин — ученик А. С. Долинна 1922 года, того Долинна, который тогда не цитировал Ленина, но «злоупотреблял» социологией, не сузил анализом классовой борьбы в России.

Б. Ф. Перерезов не изучал публицистики Достоевского, — он изучал только «характеры», созданные Достоевским — художником, отвергая его публицистику, как «плохую» философию, ибо, по его убеждению, «Достоевский никогда не был мыслителем». Иное дело А. С. Долинин: в «Дневниках Писателя» он находит для Достоевского 1876—1880 гг., яркого «выражения революции» — «все те новые элементы идеологического порядка, которые нашли свое художественное выражение в романе «Братья Карамазовы». Это — в сборнике 1935 года, изданном под редакцией А. С. Долинна.

А в сборнике 1922 г., изданном под его же редакцией, «идеология» Достоевского освещена особенно внимательно — в статьях С. Аскольдова («Религиозно-этическое значение Достоевского»), Л. Каразина («Достоевский и католичество»), Н. Лосского («О природе сатанинских — по Достоевскому»), Н. Малинина («Эстетика Достоевского»), Э. Гадлова («Соловьев и Достоевский»). Достаточно привести одну цитату, чтобы показать, как ставилась некоторыми авторами сборника 1922 года задача изучения «идеологии» Достоевского. Вот, например, что пишет С. Аскольдов: «Трудно сказать, — хуже или лучше современное человечество человечества прошлого. Но одно можно сказать уверенно: никогда человеческая совесть и ум не бы-

ли так запутаны в своих исканиях хитросплетениями добра и зла. Теоретическое и практическое разделение этих хитросплетений составляет неотложную задачу деятельного христианства... Достоевский не только нас к ней подвел, но и дал громадную ценность интуитивные постижения, облегчающие для религиозной воли и мысли эту трудную работу. В этом состоит его историческое значение для религиозной жизни не только России, но и всего человечества».

Но зачем мы вспоминаем сборник 1922 года, зачем цитируем статью Аскольдова, за которую А. С. Долинин 1935 года совершенно не отвечает? А. С. Долинин не отвечает за свою статью 1922 года «Достоевский и Герцен», в которой он «Записки из подполья» Достоевского объявляет «прологом к тому, что к нему художественному творчеству Достоевского послекаторжного периода». В 1922 году А. С. Долинин писал, что «Достоевский шире какой-бы то ни было концепции, что «характерно для него, как нечто постепенное и неизменное — это его идеалистическое толкование истории, связанное с его общим философским мирозерпанием, столь родственным с платонизмом». В 1922 году А. С. Долинин осмыслил Достоевского с позиций идеологии искущих, в 1935 году он подходит к изучению его как «суровый марксист».

А вспомнили мы сборник 1922 года и статью А. С. Долинна «Достоевский и Герцен» — вот почему: нигде ни слова не говоря о своем отношении к сборнику 1922 года, А. С. Долинин в 1935 году перепечатывает из статьи «Достоевский и Герцен» целые страницы (См. главу V «Социальная революция» и соответственные страницы сборника 1922 года), изредка кое-что пропуская, кое-что дополняя. Основной ход мыслей не меняется, аргументация остается прежней. Прежнее понимание Достоевского не пересматривается, а только приспособляется к новой передаче Достоевского, как «зеркала русской революции».

Как это делается? Прежде всего исчезает несвоевременная в наших терминах (Россия среди всех других племен великого арийского рода). «Социализм» Достоевского «модернизмуется». Так, в статье 1922 года мы читаем: «великая общая гармония», «будущее хрустальное царство», «золотой дворец с мраморами и райскими птицами» — это все тот же будущий социалистический строй, которого Достоевский «часть, как спасения мира, и в то же время отвергает в его современном позитивном обосновании» (286). В статье 1933 года фраза воспроизведена буквально с пропуском только следующих слов «и в то же время отвергает» и с заменой слова «обоснования» словом «понимания». Достоевский подкрашен под «научного» социалиста, и в результате получилось нечто дикое: «современный» социализм подан, как «хрустальное царство» с «райскими птицами», подан в усыпляющих тонах апокалиптических христианских чаяний о царстве небесном.

Прежнее формулировки «социологизируются». Так, в статье 1922 года читаем:

«В неизменно широких захватах его мысли, всегда работавшей крайне возбужденно, нередко в ущерб ясности, — вопрос о социальном положении европейских стран занимает исключительное место. Ведь в сущности революция, катастрофичность — доподлинная стихия его творчества, и из двух возможных исходов Достоевский всегда принимает наиболее трагический».

В статье 1935 года это место принимает следующий вид: первая фраза повторена буквально, только с пропуском слова «неизменно», а вторая дана в таком виде: «Положение, в эпоху торжествующего роста русского капитализма, той социальной группы, к которой сам принадлежал, он ощущал неизменно как катастрофическое», и далее до конца без изменений.

«Социологизированный» Достоевский, таким образом, лишен той веры в конечное торжество «позитивного социализма», которой так настойчиво в других местах награждает его А. С. Долинин.

«Социологизация» идет и дальше. В 1922 году А. С. Долинин писал: «...Когда мысль его носится в сфере общечеловеческих проблем» (286). В 1935 году эта фраза звучит иначе: «...Когда мысль его останавливается на социальных проблемах в общечеловеческом масштабе» (44) или — говоря в 1922 году об «европейской катастрофе», о близком конце буржуазного мира, Долинин пишет: «его историко-философское обоснование этой уверенности ясно» (287). В 1935 году: «его историко-социальное, классовое обоснование этой уверенности ясно» (45).

В 1922 году три четверти человечества «униженных и обиденных», о которых говорит Достоевский, характеризуются А. С. Долиным, как «слепые и несчастные». В 1935 году Долинин расшифровывает «униженных и обиденных» строго «по Ленину»: «разумеется, конечно, пролетариат и разоренная мелкая буржуазия, а также беднейшее крестьянство» (45).

Идеалистические формулировки 1922 года кое-где снимаются. В перепечатанном ныне тексте 1922 года исчезает такая, например, фраза: «если история человечества есть процесс воплощения идей, стремящихся к своей реализации, наиболее полной, оформляющей как можно большее количество материи, то» и т. д. (287). Зато появляются такие вопросы к творчеству Достоевского, которых не было в 1922 году и которых Достоевский никогда так не ставил и не мог ставить. Например: «гробет буржуазия Европа со всеми ее несчастными богатствами. А убогая Россия, эта грядущая примирительница всех европейских противоречий? Минет ли ее капитализм? Достоевский верит, что минет, он хочет в это верить, как верят и народники, свое единомыслие с которыми он особенно подчеркивает в объяснительном слове к пушкинским речам» (48).

Все эти операции над текстом 1922 года, конечно, следовало бы приветствовать, ибо они знаменуют, хотя и неуклонные, все же несомненные попытки автора статьи на материалистические позиции в объяснении идеологических явлений. Но желание приветствовать пропадает, когда вдуматься, зачем понадобилось автору «приспособить» текст 1922 года к «стилевым» осо-

бенностям языка и мышления 1935 года.

Дело в том, что задача А. С. Долинна, как истолкователя Достоевского, и в 1935 году осталась той же, что и в 1922 году. Эта задача — поднять на щит Достоевского, как художника и идеолога «революции». Изменилась финальная революционности Достоевского: в 1922 году Долинин — идеалист тянул эту революционность от Герцена, в 1935 году он, «материалист», хочет связать Достоевского с революционным народничеством, с террористами партии «Народной воли».

Правда, в 1935 году он делает серьезную уступку: раньше для него был «революционер» весь Достоевский — «Записками из подполья», с «Преступлением и наказанием», с «Бесами», теперь Достоевский «эволюционирует». По мнению А. С. Долинна, эта эволюция намечается в 1874—75 гг.: «с «Подполья», печатавшегося в «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова, начинается новое «перерождение убеждений» Достоевского, новый поворотный пункт, противоположный предыдущему периоду «Бесов» и «Гражданина» (49).

У всякого непредубежденного читателя, естественно, возникает недоумение: можно ли говорить о «перерождении» Достоевского в последние годы его жизни, годы создания «Братьев Карамазовых»? Ведь именно в эти годы Достоевский, автор «Дневников писателя» 1876 г. и последующих лет, так близок с Победоносцевым, совместно с которым он обдумывает свою знаменитую «Пушкинскую речь».

А. С. Долинин не понимает или не хочет понять, что это литературное произведение, эта речь прежде всего политический документ, остро отточенный против классовой борьбы, политической борьбы, направленный и против социалистов-политиков и против либералов, против «белых жилетов», мечущихся о конституции. Не нужно забывать, что она была произнесена в обстановке напряженной героической борьбы народовольцев с самодержавием, накануне казни Александра II.

А. С. Долинин не понимает, что заострение «ненависти» Достоевского против либералов (Ракин в «Братьях Карамазовых») и усиление как бы сочувственного внимания к «социалистам» есть та же победоносцевская боязнь наиболее близкого врага — буржуазных либералов, которые, как полагал Победоносцев, смогут использовать победы народовольцев для ограничения самодержавия. Накануне первого марта — по разным побуждениям — Достоевский, и Победоносцев были ярыми врагами даже самой кудой конституции.

Именно в эти годы в «Дневниках писателя», Достоевский окончательно оформил свой «славянский», «христианский» «социализм» — либеральную, реакционную идеологию классового «мира», «смирение личности». Именно в эти годы он был глашатаем империалистической заискусительной политики царизма и русской буржуазии на ближнем и дальнем Востоке, защитником националистической политики русского самодержавия.

А. С. Долинин превосходно понимает, как трудно говорить о «революционности» Достоевского — в «позитивном» понимании этого слова — в последние годы его жизни. Он пишет: «Его (Достоевского) идеологическая концепция... играла бы роль определенно контрреволюционную, если бы какая-нибудь социальная группа — не говоря об эмигрантах внешних и внутренних, — здесь, у нас, в советской России могла бы принять ее всерьез». Называя идеологию Достоевского «заячьей идеологией», Долинин говорит о «начавшейся перестройке», которая, признает он, «так и не завершилась».

А. С. Долинин с большим раздражением нападает на мою статью о Достоевском, напечатанную в качестве предисловия к XI тому собр. соч. Достоевского (см. также сборник моих статей «На литературные темы»). А. С. Долинин забыл, что эта статья ставила очень скромную задачу — вскрыть «единство» художника и публициста в Достоевском последних лет. Правильность моего решения он не поколебал ни в какой степени, точно так же моей характеристики социально-политических идей Достоевского (по его «Дневникам») он не противопоставил (да и не мог конечно!) — другой. Самое большое, что он мог сделать, это назвать идеологию Достоевского «заячьей идеологией», между тем как в действительности это идеология злейшей, «волчьей» борьбы с революцией, если уж пользоваться «звериной» терминологией А. С. Долинна.

А. С. Долинин поучает меня: «По Десницкому: хоть и великий художник, а никаких сторон революции не отразил, даже самых несущественных!!!» (и курев и восклицательные знаки принадлежат А. С. Долинину). Но правду говоря, ничего подобного нет в моей статье. Но А. С. Долинин прав, если он предполагает, что такое мое мнение о Достоевском последних лет. Да, если говорить действительно на языке Ленина, Достоевский революции не отразил ни в «Дневниках писателя», ни в «Братьях Карамазовых». Больше того: в этих произведениях он сознательно борется против революции.

Когда Долинин говорил на языке 1922 года, на языке индивидуалиста, которого потрясает «бунтарство» Достоевского, подкупает «непримиримость» и «социализм» для всех — без борьбы, без крови, — тогда концепция его была непримемлемой, но она по крайней мере, не вызывала сомнений в последовательности мышления автора. Другое дело, когда он в 1935 году, развертывая свое «несколько необычное» понимание Достоевского, превращает его в художника, отразившего «позитивную» революцию, отразившего даже более ярко и страстно, нежели Лев Толстой.

Неужели А. С. Долинин не понимает, что его использование ленинских цитат о Толстом, по меньшей мере, безграмотно и неуместно? Толстой «отразил» существенные стороны революции. Что это значит? Это значит, что Толстой отразил конкретные революционные чаяния крестьянства. Толстой и как художник, и как публицист учил, что земля должна принадлежать трудящимся, он неоднократно протестовал против произвола самодержавия, против бесудных казней и казней по суду, протестовал против классового суда и законодательства, вскрывал ложь, обман, измену собственному учению представителей казенного православия, призвал к отказу от военной службы, к повиновению органам крепостнического-буржуазного государства. Его учение, несмотря на всю противоречивость и непоследовательность, на определенном отрезке времени действительно выражало конкретные тенденции крестьянской революции.

Можно ли это сказать о Достоевском? Конечно, нет. Вся публицистическая и художественная деятельность Достоевского последних лет целиком была направлена к тому, чтобы отвлечь трудящихся от борьбы с конкретным злом российской действительности. «Бунт» и «непримиримость» Достоевского идут под знаком «вечности», вне конкретной исторической действительности. Конкретен Достоевский как публицист только тогда, когда развертывает свою реакционную идеологию. А как художник, он

проповедует святое смирение и «социалистическое» счастье для всех за пределами реальных социальных отношений и возможностей.

А. С. Долинин нашел у Достоевского конца 70-х годов ряд «измен» Достоевскому, автору «Бесов», и резких оценок Белинского, Некрасова и т. д. Неужели он не понимает, что у Достоевского эти «измены» являются изменениями только тактического, а не программного порядка, что они преследуют очень определенную цель — подкрасить людей сороковых годов в тона смирения и всепрощения.

Рядом с неуместной цитатой и Ленина у Долинна, повывающего «марксиста» идет его удивительное открытие об особой революционности городской мелкой буржуазии, которая в борьбе классов якобы «участвовала во всяком случае активнее, чем крестьянство». Оно понадобилось Долинину затем, чтобы поставить Достоевского в отношении к революции выше Л. Толстого. А по существу — оно не ново, ибо под «наиболее передовой частью» мелкой городской буржуазии несомненно скрывается все та же «героическая» российская интеллигенция.

Характерно, что и прорыв Достоевского к революции А. С. Долинин видит в том, что, согласно воспоминаниям А. П. Достоевской, в продолжении «Братьев Карамазовых», у которого думал Достоевский, Алеша «должен... очутиться в лагере революционеров-террористов». А. С. Долинин «неопытная» середина записей», очевидно в словах старца на странице 49 черновых записей. Эти слова — «пострадай, пролей кровь, все обнимутся, если допустить, что они намекают на будущую террористическую деятельность Алеша Карамазова, говорит, в сущности, обратное тому, что думает Долинин. Они не соглажуют Достоевского с народовольцами-террористами, а выражают тенденцию Достоевского взорвать идею политического террора изнутри.

Попытка А. С. Долинна сделать Достоевского «революционером» в приемлемом для нашего времени смысле не только «несколько необычна», но и безнадёжна. Его утверждение, что «книга «Про и сонта» (в «Братьях Карамазовых») и все другие, к ней ведущие, отражают русскую революцию, «по крайней мере, так, как ее мыслила и обосновывала тогдашняя русская радикальная интеллигенция, борющаяся за интересы многомиллионных масс не только мелкой и городской буржуазии, но за крестьянство», — не только ни на чем не основана, но и является клеветой на революционеров «Народной воли». Аргументация же А. С. Долинна от Ленина — поразительный пример приспособленческой развязности и политической безграмотности.

А как же, спросит А. С. Долинин, быть с квалификацией Достоевского, как «великого писателя»? Ответ очень прост: и велик, и в определенной мере «примемлем», нужен нам художник Достоевский, поскольку в его творчестве, хотя и в искаженном мировоззренном предположении отражена конкретная историческая действительность, поскольку в его критике русского феодализма и капиталистической культуры имеются такие моменты, которые соответствовали тенденции исторического развития, не выражая однако революции ни буржуазно-демократической, ни тем более социалистической, пролетарской.

Ибо тот «бунт», та «революция», проповедником которой был Достоевский, на языке современных классовых боев называется совершенно иначе — именно — реакцией.

* Литературный архив Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования под ред. А. С. Долинна. Изд-во Академии наук СССР, Ленинград.